

УДК 323.22/.28

Лаврикова А. А., Болотина И. И.

Тульский государственный университет
300012, г. Тула, пр. Ленина, д. 92, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ВЛИЯНИЯ РЕЛИГИИ НА ПАРАМЕТРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ «ВЛАСТЬ – ОБЩЕСТВО»

АННОТАЦИЯ

Цель. Цель настоящей работы сводится к раскрытию механизма влияния религиозных норм на направленность политической деятельности массовых групп в условиях трансформации современного общества.

Процедура и методы исследования. Эмпирический материал работы получен в результате вторичного анализа данных Европейского социального исследования (волны 2012, 2014, 2016). Анализ производился с применением методов частотного распределения и однофакторного дисперсного анализа.

Результаты проведённого исследования. Прямого воздействия религиозных норм на политическое участие граждан авторами не обнаружено. Религиозность в ряде стран проявляется в идентификации граждан путём «привязки» к религиозной общине данной территории. Во второй группе государств актуализация религиозных вопросов вызвана обращением к деятельности соответствующих партий, что создаёт возможности для формализации политических отношений. В государствах, где трансформация политической системы продолжается, религиозные организации могут приобретать самостоятельный политический статус.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные данные могут использоваться государственными структурами в условиях возрастающей значимости религиозной безопасности общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политическое участие, религиозный фактор, религиозные деноминации, арена политического участия, Западная Европа

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Методология и результаты исследования](#)

[Заключение](#)

A. Lavrikova, I. Bolotina

Tula State University

92 ul. Lenina ulitsa, Tula 300012, Russian Federation

ASPECTS OF RELIGION INFLUENCE ON THE PARAMETERS OF CITIZENS POLITICAL INVOLVMENT IN «POWER – SOCIETY» RELATIONS SYSTEM

ABSTRACT

Purpose. The purpose of this article is to reveal the mechanism of religious norms influence on the vector of mass groups political activity in the context of modern society transformation.

Methodology and Approach. The empirical material of the work was obtained in the secondary analysis of the European Social Research data (waves 2012, 2014, 2016). The analysis was carried out using frequency distribution methods and one-way analysis of variance.

Results. The direct impact of religious norms on the political participation of citizens was not found. Religiosity in a number of countries is manifested in the identification of citizens by "binding" to the religious community of a given territory. In the second group of states, the actualization of religious issues is caused by the appeal to the activities of the respective parties, which creates opportunities for formalizing political relations. In states where the transformation of the political system continues, religious organizations can acquire independent political status.

Theoretical and Practical implications. The data obtained can be used by government agencies in the context of the growing importance of the religious security of society.

KEYWORDS

political participation, religious factor, religious denomination, arena of political participation, Western Europe

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний момент в условиях, казалось бы, совершившейся секуляризации человеческого сознания религиозный фактор по-прежнему оказывает значимое влияние на политические процессы в национальных государствах. При этом сама взаимосвязь между религией и политикой изначально носит противоречивый характер, ведь религиозные догмы ориентированы на построение общества всеобщего благоденствия и социальной справедливости, в то время как сущность политики сводится к конкуренции за ограниченные ресурсы, власть и влияние. Однако на практике такие категории, как «вера», «религия», «добро», «зло», «совесть», не потеряли своей значимости для отдельной личности и социальных групп, а политические события зачастую воспринимаются и оцениваются именно с позиций данных категорий.

Объяснительные схемы сложившейся ситуации во многом зависят от трактовки содержания процесса секуляризации в современном обществе. В политической теории можно выделить несколько подходов к этой проблеме. Первое направление представлено в работах П. Бергера, Т. Лукмана и Н. Лумана [3; 4; 9], которые полагали, что секуляризация представляет собой уменьшение влияния религии на социум и политику; второе основано на идее, что секуляризация означает изменение роли религии в обществе: религия продолжает влиять на социально-политическое развитие, однако это происходит в новых форматах (Т. Парсонс и Р. Белла [2; 11]); третье отражено в трудах К. Доббелера, который понимал секуляризацию как комплексный процесс [22]. Нам представляется целесообразным опираться на последнюю из представленных позиций и исходить из следующих положений: 1) религиозные системы теряют свою всеохватывающую роль [15; 16], становясь социальной системой наряду с множеством других; 2) наблюдается изменение уровня религиозности отдельных личностей и социальных групп; 3) происходит трансформация религиозных догм в условиях изменяющейся социально-политической реальности [16].

В более ранние исторические периоды религия как целостная система мировоззрения, в основе которой находятся представления о высшем разуме [17], пронизывала все стороны человеческой жизни, становясь основой социальной, политической и даже цивилизационной идентификации. Сегодня значение религиозного фактора ничуть не уменьшилось, но приобрело латентный характер [19]. И речь идёт не столько о религии как социальном институте, который, кстати, показал свою высокую степень адаптивности к изменяющимся политическим реалиям, сколько о религиозности как стремлении личности, социальной группы, гражданского общества соотносить свою деятельность и существование в целом с некими идеалами, которые в готовом виде предлагаются различными религиозными течениями. Феномен здесь заключается в кажущейся нерациональности столь упорного поиска некоего идеологического обоснования социально-политической действительности, а также в неискоренимости морально-этических оценок, предлагаемых религиями для рефлексии поведения социальных и политических акторов. Таким образом, можно констатировать, что религиозный фактор в том или ином виде проявляется в системе отношений между политической властью и гражданским обществом¹ в совокупности разнонаправленных тенденций (табл. 1).

¹ Под гражданским обществом авторы статьи подразумевают всех граждан конкретного государства / государств, связанных друг с другом политическими, экономическими, культурными, правовыми и социальными отношениями.

Таблица 1 / Table 1

Тенденции проявления религиозного фактора в системе взаимодействия «власть – общество» (Religious trends in the interaction system «power – society»)

Линия «политическая власть – гражданское общество – индивид»	Религия становится инструментом легитимации политической власти или действующей политической элиты
	Религия позволяет управлять социально-политическими отношениями благодаря выработанным нормативно-этическим принципам
	Религиозный мессианизм может выступать фундаментом формирования национальной идеи государства
Линия «индивид – гражданское общество – политическая власть»	Религиозный фактор выступает как инструмент социально-политической мобилизации
	Религиозный фактор задаёт рамки самоидентификации личности и социальной группы взамен «неработающей» политической идентификации
	Религия определяет онтологические основы существования и развития личности и гражданского общества в целом

Источник: данные авторов.

Анализ указанных тенденций позволяет сделать вывод, что, с одной стороны, религия по-прежнему выполняет мировоззренческую (определяет критерии целесообразности и справедливости социально-политических процессов, задаёт ориентиры развития государства и гражданского общества) и управленческую (становится инструментом элит по формированию социального и политического поведения граждан) функции. Однако в ходе секуляризации формы их реализации могут значительно дифференцироваться и деформироваться. С целью конкретизации указанных тенденций посредством использования методов вторичного анализа социологических данных (процедуры частотного распределения и однофакторного дисперсного анализа) в статье будет совершена попытка раскрытия механизма влияния религиозных норм на направленность политической деятельности массовых групп в условиях трансформации современного общества.

МЕТОДОЛОГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выявленные выше тенденции взаимосвязи религии, политической власти и гражданского общества, имеющие место в национальных государствах, выступают отнюдь не проявлениями клерикализма, предполагающего стремление религиозных деятелей оказывать влияние на политические процессы. Напротив, сами политические элиты стремятся заручиться поддержкой религиозных деятелей, а в своём дискурсе они зачастую апеллируют к Богу. Так, в Соединённых Штатах Америки возросло число деноминаций или так называемых независимых церквей (Свидетели Иеговы, мормоны, сайентологи, спириты и т. д.)², которые, занимая промежуточное положение между ортодоксальной церковью и сектой, адаптируют, зачастую искажая и по-своему трактуя, догмы традиционных мировых религий. Типичными остаются ситуации, когда официальные лица в политических обращениях ссылаются на религиозные нормы. Например, на церемонии инаугурации 20 января 2017 г. Дональд Трамп сказал следующие слова: «Краеугольным камнем нашего политического курса будет верность Соединённым Штатам Америки, и, благодаря верности нашей стране, мы вновь откроем в себе верность друг другу. Когда ваше сердце открыто патриотизму, в нём не остается места для предубеждений. Библия учит нас: “как прекрасно и приятно, когда народ живёт в единстве, которое заповедует Бог”. Мы должны откровенно высказывать своё мнение, честно обсуждать наши противоречия, но никогда не забывать о солидарности. Когда Америка едина, её невозможно остановить. Не должно быть страха, мы защищены – и мы всегда будем защищены. Нас защитят великие мужчины и женщины в наших вооружённых силах и правоохранительных органах, а самое главное – нас защитит Господь»³.

Объясняя данный феномен, английский политолог Л. Зидентоп отмечает, что именно христианское учение о духовном равенстве создало гражданское общество, стало отправной точкой развития рыночных отношений и одним из источников современной демократии. Он пишет, что «только пришествие христианства... заложило нравственные основы современной демократии, наделив индивидуумов единым моральным статусом, сынов Божьих... который со временем трансформировался в социальную роль» [6, с. 241].

Вместе с тем материалы социально-политических исследований свидетельствуют, что влияние религиозных норм на современные политические процессы носит более сложный, многоуровневый характер, чем это указано в приведённой выше трактовке Л. Зидентопа, что и находит отражение в мо-

² Синелина Ю. Ю. Религия в современном мире [Электронный ресурс] URL: <https://expert.ru/expert/2013/01/religiya-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 03.11.2019).

³ Речь Президента США Дональда Трампа на церемонии инаугурации // Голос Америки: [сайт]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-inauration-speech/3685345.html> (дата обращения: 02.11.2019).

делях политической деятельности не только элитных, но и массовых групп. Рассмотрим векторы такого воздействия на примере динамики политического участия граждан в европейских государствах.

Эмпирическая база работы была получена в результате вторичного анализа данных мониторинга «Европейское социальное исследование (ESS)»⁴. Кроме того, для конкретизации полученных результатов использовались материалы других кросс-национальных исследований и статистики.

Первичный анализ данных европейского мониторинга путём определения сопряжённости между переменными «приверженность религии» и «формы политического участия» позволил выявить наличие устойчивой взаимосвязи между ними, вместе с тем в ходе конкретизации данной взаимосвязи на основе применения метода однофакторного дисперсионного анализа был сделан вывод об отсутствии прямого воздействия религиозного фактора на политические практики, реализуемые гражданами, что поставило вопрос о необходимости выявления механизма влияния религии на различные аспекты политической деятельности рядовых членов общества.

Была выдвинута гипотеза о существовании определённого системообразующего фактора (или совокупности факторов), опосредующего взаимосвязь религии и политического участия граждан как особого вида непрофессиональной политической деятельности в процессе реализации общественно значимых интересов. Анализ литературы по рассматриваемой проблематике позволил в качестве таких факторов-детерминант / факторов-условий выделить следующие: 1) состояние и (или) динамика развития социально-экономической ситуации в обществе; 2) характер миграционных процессов; 3) актуальные внутривнутриполитические вопросы; 4) уклад жизни, нормы поведения, одобряемые или неодобряемые в рамках религиозных течений; 5) соответствие норм религиозной и гражданской культуры; 6) параметры национальной политической системы; 7) идеологические установки, представляемые политическими элитами; 8) цивилизационные характеристики того или иного социума [15]. На наш взгляд, характер и степень их влияния могут меняться с течением времени и в зависимости от страновой специфики. Поэтому в качестве основной цели исследования выступало выявление в данном перечне одного или нескольких факторов, которые могут выступать в качестве системообразующих для сообществ современных европейских государств.

Для более аргументированного ответа на поставленный вопрос требуется определение параметров религиозности жителей Европы, ведь длительный исторический период религия выступала в качестве онтологической основы жизни личности и государства, она же определяла жизненный уклад человека. Бог как начало большинства религиозных течений

⁴ The ESS – Европейское социальное исследование [Электронный ресурс]. URL: www.ess-ru.ru (дата обращения: 27.11.2019).

единственный претендует на роль гаранта справедливости, чего не могут обеспечить никакие политические силы. Однако помимо идеалистического взгляда на религию стоит отметить, что приверженность к религиозной конфессии зачастую является одним из самых весомых оснований самоидентификации социальной группы в социально-политическом пространстве. Религия, особенно ортодоксальная, опирается на мифологию, тесно переплетённую с историческими событиями. По этой причине религиозное течение, неся в себе особую мировоззренческую позицию, рассматривается как мощный фундамент психологического развития личности и социальной группы, который определяет её право на существование и защиту себя на политической арене.

Согласно материалам общеевропейского мониторинга, уровень религиозности в странах Европы, а также в России на протяжении двадцати лет исследований остаётся достаточно высоким: более половины опрошенных вне зависимости от места проживания относят себя к числу верующих. Аналогичные результаты были получены и в ходе других исследований, проводимых как отечественными, так и зарубежными специалистами [18]. В то же время отнесение гражданами себя к категории верующих не всегда свидетельствует об их принадлежности к той или иной конфессии. Так, в рамках международного опроса Ассоциации Gallup International/WIN «Глобальный Барометр Надежды и Отчаяния» респондентам был задан вопрос: «Вне зависимости от того, посещаете ли Вы места общественного богослужения или нет, Вы считаете себя религиозным человеком, нерелигиозным человеком или убеждённым атеистом?», при ответе на который около четверти опрошенных, назвав себя людьми нерелигиозными, указали на веру в Бога или какие-то высшие силы⁵. На этот же факт указывает некоторое уменьшение в течение последнего десятилетия доли лиц, считающих себя последователями какой-либо религии (если в 2006 г. к таковым себя причисляли 61,6 %, то в 2016 г. – 56,3 %). Однако такой негативный тренд напрямую не свидетельствует о потере основными религиозными конфессиями своих позиций в европейских обществах: за рассматриваемый период существенно выросло число приверженцев католицизма (на 16,3 %), иудаизма (на 10,1 %) и ислама (на 5,5 %), что происходит преимущественно за счёт притока мигрантов и некоторого сокращения сегмента сторонников других, менее традиционных религиозных течений.

Выявленные противоречия в самоидентификации граждан по позициям «верующий – неверующий», «религиозный – нерелигиозный», «последователь той или иной религии» являются отражением фрагментарности религиозного сознания жителей европейских государств. Значительная часть респондентов не представляют себе то, во что верят, и вера не всегда влияет на их жизненные цели, установки и образ жизни в целом: исходя из ответов, от-

⁵ См. в ст.: Добрынина Е. Богатые реже молятся // Российская газета. 2012. 7 августа.

ражающих регулярность соблюдения определённых религиозных ритуалов (прежде всего посещения религиозных служб и совершения молитв), только четверть респондентов, относящих себя к числу верующих, можно рассматривать в качестве людей действительно религиозных, остальные воспринимают религию, скорее, как указание на некий статус, что свидетельствует о «размывании» критериев восприятия религиозности. Здесь можно согласиться с мнением Р. Инглхарта, который отмечал: «Сама религия не отмирает. Мы наблюдаем лишь изменение её функции: вместо институционализированной догматической религиозности, обеспечивавшей непреложное соблюдение поведенческих кодексов, в условиях непредсказуемого мира важное место занимают индивидуализированные духовные запросы, удовлетворяющие потребность в осмысленности существования в обществе» [7; 23].

Данная трансформация в массовых представлениях о религиозных нормах отражена в изменении проявления политической активности рядовых членов общества: если ещё в начале 2000-х гг. различие в моделях политического участия верующих и неверующих было очевидным (граждане, не считающие себя последователями какой-либо религии, демонстрировали больший уровень вовлечённости во все политические практики), то материалы волны 2016 г. позволяют говорить, что параметры политической деятельности тех и других практически не различаются. Не наблюдается также взаимосвязь между приверженностью нормам определённой конфессиональной группы и предпочтением отдельных форматов политического участия.

Данный вывод особенно актуален в отношении сторонников ислама, т. к. достаточно типичным для массового сознания является представление о мусульманах как носителях радикальных политических практик, в то время как данные мониторинга указывают, что среди жителей европейских стран, исповедующих ислам (как, впрочем, и среди сторонников других религиозных течений), неконвенциональные формы политического участия относятся к числу наименее востребованных. Восприятие допустимого и недопустимого в политическом поведении представителей различных религиозных сообществ существенно не меняется даже в случаях, когда культурные нормы (в том числе и религиозные) той или иной социальной группы вступают в противоречие с содержанием политических принципов и норм гражданской культуры, доминирующих в данном обществе.

Так, согласно учению ислама, люди не создают законы, а применяют Божественные законы на практике [8, с. 268], поэтому разделение властей невозможно и неприемлемо, т. к. во власти не может быть противоречий. В то же время в европейских странах именно принцип разделения властей заложен в основу функционирования политико-правовой системы [16]. Но, как мы уже отметили, в ходе исследований не было выявлено устойчивых тенденций радикализации политического участия мусульман, в т. ч. и из числа мигрантов. Следовательно, имеющие место факты агрессии со сторо-

ны некоторых из вновь прибывших следует рассматривать скорее как примеры криминогенного поведения, катализатором которого явилась смена среды пребывания.

В академическом сообществе и среди ряда публицистов сложилось мнение, что в Западной Европе политическое участие граждан во многом сводится к защите своей цивилизационной и культурной идентичности. Конечно, политические процессы в Западной Европе, связанные с миграцией, явились серьёзным вызовом как для профессиональных политиков, так и для научного сообщества. С 1960-х гг. общая численность всех мигрантов возросла с 75 млн. до 120 млн. в 1990 г. и до 135 млн. чел. в 2000-х гг. [20]. При этом наибольшее число мигрантов в структуре населения наблюдается в Германии, Франции, Швейцарии, Великобритании⁶. Если до 2000-х гг. социальная политика стран Западной Европы справлялась с пребывающими в страну мигрантами, то сегодня доля аллохтонного населения в европейских государствах растёт, а новых механизмов эффективного политического и социально-экономического согласования интересов принимающего сообщества и мигрантов на данный момент не выработано.

Во многом именно благодаря религиозному фактору миграция в Западную Европу в публицистических изданиях получила статус «новое переселение народов», а в академической литературе – «исламское возрождение» [14; 15]. Вместе с тем анализ данных мониторинга «Европейское социальное исследование (ESS)» показал отсутствие значимой взаимосвязи между переменными, отражающими религиозность граждан европейских государств, восприятие ими миграционных процессов, практикуемые модели политического участия, в том числе и в тех странах, где доля вновь прибывших резко возросла, что не позволяет в настоящее время отнести миграцию к числу системообразующих факторов механизма взаимодействия религии и политической деятельности рядовых членов общества. Однако данный вывод не исключает усиления влияния миграционных течений в будущем, т. к. по мере возрастания объёмов сегмента аллохтонного населения потенциал религии в процессе самоидентификации личности будет увеличиваться, ведь последователи различных конфессий, находясь вне исторического региона своего проживания, стремятся к консолидации для отстаивания своих интересов, как политических, так и неполитических (например, последователи ислама воспринимаются жителями Западной Европы как цивилизационный монолит и особый политический актор, хотя в мусульманских странах существует соперничество между арабами, тюрками, персами и др. за политическое господство). Но и в этом случае воздействие будет носить опосредованный характер: скорее всего, религиозный фактор выполнит функцию катализатора проявления уже сложившихся политиче-

⁶ UNHCR. The UN Refugee Agency [Электронный ресурс] URL: <https://www.unhcr.org/europe-emergency.html> (дата обращения: 10.11.2019).

ских и социально-экономических противоречий, имеющих место в европейских странах.

Вместе с тем нельзя отрицать роль религии при формировании традиций политического участия в том или ином государстве. И в первую очередь целесообразно интерпретировать политическое участие в двух аспектах:

- политическое участие как параметр политической культуры, определяющий степень и формы вовлечённости граждан в политические процессы;
- политическое участие как способ артикуляции и агрегирование политического интереса с последующей его реализацией через политическое действие.

На разных этапах своего исторического развития государства Западной Европы имели опыт теократии – формы правления, при которой духовенство либо имеет больше реальной политической власти, чем государственная политическая элита, либо оказывает определяющее влияние на принятие ключевых политических решений. Европейские государства развивались преимущественно под влиянием христианства, но страновое разделение на католицизм, протестантизм и православие в сочетании с национальным менталитетом сформировало уникальные политические культуры с соответствующими традициями политического участия.

По данным Европейского социального исследования (волны 2012 г., 2014 г., 2016 г.), в странах Западной Европы респонденты, считающие себя религиозными, чаще всего исповедуют католицизм. Экстраполируя данный факт на политическую культуру европейских государств, стоит отметить, что, хотя сегодня европейские страны характеризуются демократическим режимом взаимодействия между государством и обществом, характер отправления (реализации) политической власти соответствует духу католицизма. И если ранее миссия католической церкви сводилась к евангелизации народов и стран, то сегодня западная политическая элита в своём дискурсе ратует за демократизацию мира. Очень образно об этом сказал папа римский Пий XII: «Цивилизация этого мира – есть цивилизация христианская; церковь фактически стала её защитником и хранителем. Этот принцип лёг в основу законодательства многих стран, на нём строились отношения церкви и государства, он оправдывает авторитет церкви в вопросах нравственности, подчинение законов государства божественным законам Евангелия»⁷.

Говоря о православии, также важно учитывать сильное историческое взаимовлияние религии и государства как социально-политических институтов. Мессианские тенденции, присущие православию, выражались в известном тезисе монаха Елеазарова монастыря Филофея «Москва – третий Рим», подразумевающая исключительность Московской Руси как духовной

⁷ Enciclica «Il fermo proposito», Vaticano, 11 giugno 1905 [Электронный ресурс]. URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_1905-06_11__SS_Pius_X__Encyclica_'Il_Fermo_Proposito'_FR.doc.html (дата обращения: 10.11.2019).

преемницы Византийской империи. Существенным преимуществом православия как идеологической концепции государства явилось то, что данное религиозное течение создало возможности для постепенной ассимиляции представителей иных религиозных конфессий в политико-культурное пространство православного мира. В условиях нынешнего увеличения притока мигрантов из стран Азии, относящихся к иным культурным и религиозным субъектам мировой истории, в «православной» Российской Федерации эти процессы не вызвали «культурного шока».

В этом смысле протестантизм должен бы быть не менее адаптивным к возрастающему притоку представителей иной культуры, однако на практике это оказалось не так. Протестантская этика дала огромный ресурс ряду европейских государств в отношении развития традиций институционализированного политического участия граждан, а также способствовала росту предпринимательской активности коренных жителей Европы. Но протестантизм оказался замкнут на европейцах (поэтому множество его разновидностей имеют место в странах Европы, что доказывают данные Европейского социального исследования), не дав возможности эффективной ассимиляции людям, исповедующим, например, ислам.

Европейское социальное исследование показало, что на данный момент граждане Европы чаще всего исповедуют католицизм, протестантизм и православие, однако наблюдается рост тех, кто исповедует ислам и иудаизм. Иудаизм по-своему интересен с исследовательской точки зрения. Последователи данного религиозного течения рассеяны во всех европейских государствах. И хоть они немногочисленны по сравнению с представителями иных конфессий, сам дух иудаизма предполагает верность своей религиозной и социальной общности, поэтому представители данной религии хоть и относятся к европейской цивилизации, но самобытны, исключительны, что во многом способствует сохранению еврейской идентичности даже в трудные исторические периоды.

Иными словами, религиозные течения оказали существенное влияние на формирование политических культур и традиций политического участия в странах Западной Европы.

Дальнейшая работа с данными общеевропейского мониторинга, а также привлечение материалов статистики показали, что в современных условиях определяющую роль во взаимосвязи религии и политического участия играет политический контекст / структура политических возможностей [5; 13; 21; 24; 25], сложившаяся в той или иной стране. Параметры политического контекста не только отражают национальный срез состояния и тенденций развития политических институтов и характера деятельности политических элит, но и обуславливают особенности функционирования неэлекторальных арен политического участия, определяя пул открывающихся перед субъектами альтернатив; по мере изменений структуры поли-

тических возможностей от страны к стране сдвигаются и «рамки возможного», что побуждает граждан / группы граждан менять свой выбор политических практик.

Процедура факторного анализа данных мониторинга ESS позволила выявить три фактора, определяющих дифференциацию пространства неэлекторального политического участия на самостоятельные арены взаимодействия с присущими им относительной замкнутостью и способностью преломлять все внешние воздействия в соответствии со своей спецификой, наличием собственного репертуара политических практик и требованиями его ресурсообеспеченности. В соответствии с характером базовой практики, обуславливающей возникновение / институционализацию соответствующей арены, нами они были обозначены как декларационная (с наибольшим «удельным весом» такого формата политического участия, как подписание петиций / обращений / открытых писем), локальная (практики которой направлены прежде всего на решение локальных проблем) и партийная (связанная так или иначе с деятельностью политических партий).

При этом в большинстве европейских стран влияние факторов, формирующих декларационный и локальный кластеры, определяется как сильное, но в Германии, Финляндии, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Исландии оно отсутствует. Ситуация с партийной ареной выглядит противоположным образом: в основном массиве она является латентной, и только в Германии, Финляндии, Нидерландах и Швеции реальной. Соответственно, религиозность в первой группе стран в большей мере проявляется во взаимосвязи с функционированием локальных сообществ, и даже идентификация граждан в данном случае происходит не столько на основе религиозного течения, сколько путём «привязки» к религиозной общине данной территории, в то время как во второй группе актуализация религиозных вопросов вызвана обращением к деятельности соответствующих партий. Особенно чётко данную корреляцию мы можем наблюдать в Федеративной Республике Германии, где такие партии, как Христианско-демократический союз Германии и Христианско-социальный союз, занимают наибольшее число мест в Бундестаге. Данные организации возникли после Второй мировой войны, в своих программах они акцентировали внимание на приверженности христианским этическим основам. В условиях поствоенной действительности эти политические силы нашли большую поддержку у граждан государства.

Начиная с 2000-х гг., большинство мест в Бундестаге вновь занимали партии ХДС и ХСС благодаря их приверженности христианским ценностям. Однако справедливости ради стоит отметить, что для партийной системы Германии свойственны типичные для Европы процессы размывания электоральной базы в связи с утратой партиями идеологических различий [1; 12], вместе с тем ориентация на институциональные политические практики

здесь сохраняется и поддержка политических организаций, декларирующих свою религиозную принадлежность, достаточно весома. Подобное включение политических институтов, призванных представлять интересы тех или иных социальных групп, в механизм взаимосвязи религии и моделей политического участия, с одной стороны, формализует возникающие отношения, а следовательно, делает их более предсказуемыми и регулируемыми, а с другой – снижает уровень их конфликтности (ведь каждое религиозное течение изначально ориентировано на тотальность и абсолютизацию своих норм) за счёт воспроизводства согласительных процедур, предусмотренных в рамках данной политической системы.

В свою очередь, в европейских странах, где религиозный фактор преимущественно проявляется в функционировании локальных сообществ, а не-электоральные арены политического участия (за исключением партийной) достаточно развиты, религиозность имеет меньший «удельный вес» в развитии политической субъектности граждан и обладает менее значительным интеграционным потенциалом в национальном масштабе.

В государствах, где трансформация политической системы продолжается, а типизация арен политического участия носит незавершённый характер, религиозные организации могут приобретать самостоятельный политический статус и выступать посредниками в системе взаимоотношений «власть – общество», обеспечивая системе относительную стабильность. В результате как государственные институты, так и базовые структуры гражданского общества (например, некоммерческие организации) стремятся добиться одобрения / поддержки со стороны церкви как залога легитимации их деятельности.

Подобную ситуацию мы можем наблюдать на территории бывшего Советского Союза. Так, относительно России Ю. Ю. Синелина в рамках опроса по изучению уровня доверия различным политическим институтам, проведённого Отделом социологии религии Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН), привела следующие результаты [15, с. 250–253]. Начиная с 1995 г., в Российской Федерации наблюдается медленный, но неуклонный рост уровня доверия граждан церкви. При этом отмечена значимая зависимость: доверие к церкви сопровождается доверием и к таким политическим институтам, как президент, правительство и армия, что не только указывает на патриархальные тенденции в политическом сознании граждан России, но и отражает роль религии в процессе компенсации недостаточной функциональности данных институтов. При этом политико-религиозное взаимодействие регулируется преимущественно неформальными нормами, в том числе и определёнными предпочтениями со стороны государства, которыми пользуется РПЦ, что позволяет ей выступать представителем всех религиозных организаций в этих отношениях [10]. Аналогичная ситуация складывается и в Украине, ког-

да внутрирелигиозные вопросы подчинения православной общины тому или иному патриархату начинают приобретать политическую окраску, экстраполируясь на взаимоотношения двух государств (России и Украины).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует отметить, что влияние религиозных норм на политическое участие носит устойчивый, но неявный характер, что во многом обусловлено изменениями в религиозном сознании граждан. О правильности сделанного вывода свидетельствует наблюдаемая в большинстве европейских стран тенденция «привязки» религиозности граждан не к религиозной конфессии, а к религиозной общности, во многом связанная с разрушением триединства категорий «вера – религия – религиозная община». Развивая пример относительно христианства, стоит сказать, что на сегодняшний день идеологическое разделение расширилось и актуализировалось в росте числа деноминаций и местных церквей в европейских государствах. Христианство возникло в Римской империи в I в. н. э., развитие данного религиозного течения прошло путь от уровня учения до мировой религии. Последователи христианства именовались церковью, т. е. религиозной общиной. Иными словами, церковь в истинном христианском понимании выступает не как социальный институт, а как сообщество людей, объединённых единой ценностной системой и мировоззрением. Апостол Павел пишет: «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь»⁸.

С течением времени догматы христианской религии оказались востребованы в европейских государствах, в результате чего произошёл процесс сближения сфер политического и религиозного. В этот же период развитие получает христианская догматика, благодаря которой заповеди христианства успешно адаптировались к разным сторонам общественной жизни, в том числе и политической. Данный исторический процесс имеет положительные и отрицательные последствия. Бесспорно, христианство явилось морально-этической основой становления западной цивилизации. В политическом развитии религия успешно выполнила функцию, которую условно можно обозначить как обоснование социально-политических реалий государства в эсхатологическом контексте. Однако столь тесное переплетение религиозного и политического, с одной стороны, несколько кощунственно, ведь религия не может и не должна быть оправданием решений политических деятелей, однако в истории такие идеологические манипуляции имели место. В свою очередь, сакрализация политики ведёт к увеличению властных ресурсов действующей политической элиты, что неизбежно снижает степень её ответственности перед гражданским обществом.

⁸ Библия. Послание апостола Павла Колоссянам 1: 24.

С другой стороны, политизация религии превращает последнюю в социальный институт, что десакрализирует саму религию. Кроме того, рост взаимовлияния религии и политики привёл к тому, что религиозная община трансформировалась из социальной общности, органически связанной с тем или иным религиозным течением, в социально-политический институт, который подчас функционирует самостоятельно от института религии. В сложившихся условиях оторванности ортодоксальной религии от религиозных сообществ, с одной стороны, личность имеет свободу идентификации себя с тем или иным религиозным течением, с другой стороны, религия утрачивает своё детерминирующее воздействие на мышление и образ жизни личности, не оказывает прямого воздействия на его поведение, в том числе политическое. Вместе с тем через актуализацию опосредующих факторов латентная связь религии и политического участия сохраняется. К числу таких факторов, согласно результатам исследования, можно отнести структуру политических возможностей и культурный код политической деятельности, задаваемый религиозными нормами.

При этом можно выделить три варианта влияния религии на формирование параметров политического поведения рядовых членов европейских сообществ. Религиозность в первой группе стран в большей мере проявляется во взаимосвязи с функционированием локальных сообществ, при этом религиозные нормы имеют меньший «удельный вес» в развитии политической субъектности граждан и обладают менее значительным интеграционным потенциалом в национальном масштабе. Во второй группе государств актуализация религиозных вопросов вызвана обращением к деятельности соответствующих политических институтов, призванных представлять интересы тех или иных социальных групп, что, с одной стороны, формализует возникающие отношения, а с другой – снижает уровень их конфликтогенности за счёт воспроизводства согласительных процедур, предусмотренных в рамках данной политической системы. В государствах, где трансформация политической системы продолжается, а типизация арен политического участия носит незавершённый характер, религиозные организации могут приобретать самостоятельный политический статус и выступать посредниками в системе взаимоотношений «власть – общество», обеспечивая системе относительную стабильность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский А. В. Политические партии Германии в начале XXI века: между традицией и модернизацией // Политическая наука. 2015. № 1. С. 48–59.
2. Белла Р. Н. Религия в человеческой эволюции. От палеолита до осевого времени / пер. А. Васильева, А. Соколовского. М.: Библейско-Богословский Институт св. апостола Андрея, 2019. 741 с.
3. Бергер П. Л. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / пер. Р. Сафронова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 240 с.

4. Бергер П. Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 155 с.
5. Дука А. В. Структура политических возможностей в институционализации элит [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208991094.pdf (дата обращения: 24.11.2019).
6. Зидентоп Л. Демократия в Европе / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. 312 с.
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
8. Керимов Г. М. Шариат – закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. М., СПб.: ДИЛЯ, 2009. 512 с.
9. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. И. Д. Газиев. СПб.: Наука, 2007. 180 с.
10. Панкратов С. А., Черняев Е. К. Анализ институционального взаимодействия Русской Православной Церкви и государства в контексте понятия «светскость» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 24.11.2019).
11. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997. 240 с.
12. Прохоренко И. Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза. М.: Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, 2018. 93 с.
13. Пустошинская О. С. Политический протест как концепт: проблема дефиниции // Альманах современной науки и образования 2010. № 1 (32): в 2 ч. Ч. 2. С. 83–87.
14. Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики: аналитический доклад / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, 2017. 229 с.
15. Синелина Ю. Ю. Религиозность в современной России // Закон секулярности. 2013. № 1. С. 243–255.
16. Синелина Ю. Ю. Циклический характер процесса секуляризации в России (социологический анализ: конец XVII – начало XXI века): автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 2009. 54 с.
17. Слобожникова В. С. Корректировка государственно-конфессиональных отношений в 2016 году // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 197–203.
18. Станкевич Г. В. Религия и современный политический процесс // Власть. 2009. № 12. С. 91–94.
19. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций / пер. Т. А. Велимеева. М.: АСТ, 2016. 320 с.
20. Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102–109.
21. Della Porta D., Diani M. Social Movements: an Introduction. 2nd ed. Oxford: Basil Blackwell, 2006. 356 p.

22. Dobbelaere K. Towards an Integrated Perspective of the Processes Related to the Descriptive Concept of Secularization // *Sociology of Religion*. 1999. Vol. 60. Iss. 3. P. 229–247.
23. Inglehart R. F. *Cultural evolution*. New York, Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 40 p.
24. Kitschelt H. Political Opportunity Structure and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies // *British Journal of Political Science*. 1986. Vol. 16. P. 57–85.
25. Tarrow S. *Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest*. Ithaca: Center for International Studies, Cornell University, 1989. 120 p.

REFERENCE

1. Belinskij A. V. [Political Parties in Germany at the Beginning of the 21st Century: Between Tradition and Modernization]. In: *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2015, no. 1, pp. 48–59.
2. Bellah R. N. *Religion in Human Evolution. From the Paleolithic to the Axial Age* (Russ. ed.: Vasil'ev A., Sokolovsky A., transl. *Religiya v chelovecheskoj evolyutsii. Ot paleolita do osevoogo vremeni*. Moscow, Bibleisko-Bogoslovskii Institut sv. apostola Andrey, 2019. 741 p.).
3. Berger P. L. *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion* (Russ. ed.: Safronov R., transl. *Svyashchennaya zavesa. Elementy sotsiologicheskoi teorii religii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 240 p.).
4. Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge* (Russ. ed.: Rutkevich E., transl. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow, Medium Publ., 1995. 155 p.).
5. Duka A. V. *Struktura politicheskikh vozmozhnostej v institucionalizacii elit* [The structure of political opportunities in the institutionalization of elites]. Available at: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208991094.pdf (accessed: 24.11.2019).
6. Siedentop L. *Democracy in Europe* (Russ. ed.: Inozemtsev V. L., transl. *Demokratiya v Evrope*. Moscow, Logos Publ., 2004. 312 p.).
7. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural change and democracy: the human development sequence* (Russ. ed.: Korobochkin M., transl. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. 464 p.).
8. Kerimov G. M. *Shariat – zakon zhizni musul'man. Otveti Shariata na problemy sovremenosti* [Sharia is the law of Muslims life. Sharia answers to the problems of our time]. Moscow, St. Petersburg, DILYA Publ., 2009. 512 p.
9. Luhmann N. *Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie* (Russ. ed.: Gaziev I. D., transl. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii*. St. Petersburg, Science Publ., 2007. 180 p.).
10. Pankratov S. A., Chernyaev E. K. [Analysis of institutional interaction between the Russian Orthodox Church and the state in the context of concept “secular”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2018, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 24.11.2019).

11. Parsons T. *The system of modern societies (Foundations of modern sociology series)* (Russ. ed.: *Sistema sovremennykh obshchestv*. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1997. 240 p.).
12. Prokhorenko I. L. *Evropeiskaya integratsiya i problema separatizma v gosudarstvakh-chlenakh Evropeiskogo soyuza* [European integration and the problem of separatism in the European Union member States]. Moscow, E. Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 2018. 93 p.
13. Pustoshinskaya O. S. [Political protest as a concept: the problem of definition]. In: *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2010, no. 1 (32), part 2, pp. 83–87.
14. Semenenko I. S., ed. *Regulirovanie etnopoliticheskoi konfliktnosti i podderzhanie grazhdanskogo soglasiya v usloviyakh kul'turnogo raznoobraziya: modeli, podkhody, praktiki* [Regulation of ethno-political conflicts and the maintenance of civil consent in the conditions of cultural diversity: models, approaches, and practice]. Moscow, E. Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017. 229 p.
15. Sinelina Yu. Yu. [Religion in modern Russia]. In: *Zakon sekulyarnosti* [Secularity law], 2013, no. 1, pp. 243–255.
16. Sinelina Yu. Yu. *Tsiklicheskiy kharakter protsessa sekulyarizatsii v Rossii (sotsiologicheskii analiz: konets XVII – nachalo XXI veka): avtoref. dis. ... dokt. sotsiol. nauk* [The cyclical nature of the process of secularization in Russia (sociological analysis: late XVII – early XXI centuries): abstract of D. thesis in Sociological sciences]. Moscow, 2009. 54 p.
17. Slobozhnikova V. S. [Correction of state-confessional relations in 2016]. In: *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2016, no. 6 (113), pp. 197–203.
18. Stankevich G. V. [Religion and modern political process]. In: *Vlast'* [Power], 2009, no. 12, pp. 91–94.
19. Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (Russ. ed.: Velimeev T. A., transl. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow, AST Publ., 2016. 320 p.).
20. Yudina T. N. [On the sociological analysis of migration processes]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Case studies], 2002, no. 10, pp. 102–109.
21. Della Porta D., Diani M. *Social Movements: an Introduction*. Oxford: Basil Blackwell, 2006. 356 p.
22. Dobbelaere K. Towards an Integrated Perspective of the Processes Related to the Descriptive Concept of Secularization. In: *Sociology of Religion*, 1999, vol. 60, iss. 3, pp. 229–247.
23. Inglehart R. F. *Cultural evolution*. New York, Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 40 p.
24. Kitschelt H. Political Opportunity Structure and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies. In: *British Journal of Political Science*, 1986, vol. 16, pp. 57–85.
25. Tarrow S. *Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest*. Ithaca: Center for International Studies, Cornell University, 1989. 120 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 29.11.2019

Статья размещена на сайте: 02.03.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лаврикова Анастасия Александровна – кандидат политических наук, заместитель директора Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета, доцент кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета; e-mail: elav@mail.ru

Болотина Инна Ивановна – аспирант кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета; e-mail: innok1706@mail.ru

Anastasiya A. Lavrikova – PhD in Political sciences, Deputy Director of the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University; associate professor at the Department of Sociology and Political sciences, Tula State University; e-mail: elav@mail.ru

Inna I. Bolotina – postgraduate student at the Department of Sociology and Political sciences, Tula State University; e-mail: innok1706@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Лаврикова А. А., Болотина И. И. К вопросу о механизме влияния религии на параметры политического участия граждан в системе отношений «власть – общество» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Lavrikova A. A., Bolotina I. I. Aspects of religion influence on the parameters of citizens political involvement in «power – society» relations system. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru